

Андрей КРАСНЯЩИХ

Андрей Краснящих родился в 1970 году в Полтаве. Окончил филологический факультет Харьковского госуниверситета. Сооснователь и соредактор литературного журнала «Союз Писателей». Автор многочисленных журнальных публикаций, сборника рассказов «Парк культуры и отдыха» (2008; шорт-лист премии Андрея Белого). Лауреат «Русской премии» (2015), премий им. О. Генри «Дары волхвов» (2015), журнала «Новый мир» (2015), Дмитрия Горчева (2017) и др. Живёт в Харькове. В «Волге» публикуется с 2015 года.

НИКА – 2

(А зори здесь тихие)

Рассказ

А ведь мы были храбрыми, о какими мы были главными в наших славных милитари-играх. Всё детство, всю юность и – что там за ней пришло, наступило, как это назвать, трусость, нет? Олеги кошевые, вики космодемьянские, молодые героини, руки вверх, попу вниз, признавайся, ты – фашист. Ты?

Играх? Да нет, не играх. Если б просто тогда играли. И потом. Вы думаете, всё это было понарошку, мы приходили домой, садились за уроки, решали задачи, «а» и «бэ», и возвращались в, так сказать, общечеловеческую оболочку? Мы и дальше стреляли, по «а» и «бэ» – фашистам. Стрелять по фашистам стало нашей субстанцией.

У фашистов были глаза голубые, мы им выкалывали их в учебниках на картинках, всем рисовали усы, как у Гитлера, и чёлочку. О, Гитлер всегда был смешной, фашисты – нет, они были красивыми, кто-то и влюблялся в них, таких мы называли предателями и расстреливали. Расстреливать предателей было ещё лучше, чем стрелять в фашистов, предатели жили рядом и легко отыскивались в соседних дворах, когда мы, всей гурьбой, пятые, шестые, и седьмые классы, устраивали на них облаву. Маленькие предатели прятались по подвалам, вдруг не заметят. Играли в свои предательские игры, в куклы, мамы, в баюшки-баю. Так и сидели, нянчились, смотрели круглыми глазами, когда мы врывались, чтобы расстреливать и убивать – и чёрным фломастером визжащим, вырывающимся нарисовать чёлочку и усы. Пленных мы не брали.

Я выросла, поступила, вышла, родила, и маленькие фашисты сами взяли меня в плен, кормить, вытирать им попу, следить, чтобы не ударились, стало моей субстанцией. И дна у этой субстанции не было видно: каждый день я засыпала, чтобы утром делать то же самое, играть с ними, кормить, готовить, убирать, различать в бессмысленных звуках проблески разума. И это уже фашисты меня щипали, царапали и кусали, как бы в отместку за то, что мы делали в детстве.

Вопрос о счастье не стоял: я должна была быть счастлива, и я была ею, – вот только всё равно мне снилось, что это не они меня, а я их побеждаю и казню. Мои подружки, соратницы по тем нашим играм, рассказывали, как представляют своих маленьких фашистов вываливающимися из окна или сгорающими в случайном пожаре, и сквозь ужас на секунду, на раз ощущали себя счастливыми и свободными – как тогда, когда мы ловили, держали, рисовали. Но страх, беспокойство снова накрывали, и наша тайна растворялась в них сама собой. Как-то я увидела по телевизору Гитлера, и господи, каким же он милым мне показался, словно никогда и не расставались.

А по телевизору всё чаще звучало «фашисты», и их, говорящих на нашем, но каком-то чужом языке, показывали. Вообще, это были другие фашисты, в другой форме, с другими глазами. Но и мы были уже не те, что в детстве, и знали, что такое настоящий обыкновенный фашизм.

Бежать от одних к другим, от тех, кого нельзя, к тем, кого можно, мои подруги записывались и записывались, медсестрой, кофеваркой, ложкомойкой. Их брали и не брали, кто оставался, рассказывал о жите-бытье, ежедневных заботах, о том, чего они никогда не сделают со своими маленькими. Те, кто уехал, писали по «вайберу» об иных буднях, об оторванных ногах, выбитых глазах, о том, что фашисты защищаются. У них, наверное, и не было другого выхода, ведь дома у фашистов свои маленькие фашисты, писалось мне по «вайберу».

Я три раза подавала на отъезд и потом забирала документы, дома были то сопли, то цветы из разноцветной бумаги к 8 марта, то никто не мог вместо меня. А подруги всё писали о том, как они счастливы, и что в этой крови, грязи и мужском шовинизме рождается и крепнет, ни пяди, стоять насмерть, все как один. Им выдали новые гимнастёрки, очень похожие на те, в которых воевали деды, и у некоторых гимнастёрки уже были опалены или в крови. Эти фотографии в чате обсуждались – фашистская это кровь или наша; но чьей бы она ни была, подвиг не становился меньшим.

Ну а глаза наших подруг всё голубели, выцветали на солнце и под пулями, страх, беспокойство, отчаяние растворялись, исчезали. Я смотрела им в глаза, взгляд мой твердел, и ещё долго потом каша доедалась до последней ложки, а истерика, каприз, как начиналась, так и заканчивалась тут же.

Именами моих подруг называли улицы, в тех городах и в нашем тоже, их детям показывали табличку на доме, чтобы не плакали. На табличке ничего не говорилось о подвиге, и сам подвиг мы представляли как в детстве – летящим, манящим и завершённым, без долгого эпилога в конце. «Зойка», «Женька», «Викуся» – так эти таблички мы называли между собой: «Встречаемся у “Женьки”», или «Напротив “Зойки”», много появилось имён.

Моё имя Ника, я думала, как оно тоже появится – на моей улице; и собиралась, собиралась, относил документы, возвращалась, забирала к себе девочек погибших подруг, делила их с другими. Было сложно и тяжело, их воспитывать, смотреть на них взглядом их матери, твёрдым, с фотографии, голубым. Этот взгляд на них действовал и не действовал, я чувствовала, что не имею права, и то же чувствовали они. Подчинялись они лучше моих, но требовали другого, чего мои подруги дать уже не могли. Дети видели, как меняется взгляд с каменного, когда я смотрю на них и на чужих детей, и не слушались, упорствовали, позволяли себе, я теряла авторитет, всё время искала, подбирала слова, чувствовала себя в плену. Я отнесла и не забрала документы.

В предписании говорилось «до границы», а на границе меня нашли трое, двое не представились, а третьего звали так, как моего мужа. Лагерь, или база, находился в лесу, сюда не долетало, только слышалось время от времени – когда наши стреляли, или фашисты, – но это случалось нечасто. Обычно мы просто держались. И, хотя может быть, мне казалось, постоянно, утром с побудкой и по вечерам, где-то звучала песня, не разобрать с какими словами, нашими или фашистскими.

Пришёл август, фашисты, и мы, активизировались, чтобы успеть до сентября, до школы. Но успевать было нечего, приказы приходили – стоять. Меня назначили снайпером, но затем батальонным художником, и я рисовала большие плакаты «Миру – мир», «За будущее наших детей» и «Не допустим!» с падающим снарядом, перечёркнутым крест-накрест. Когда плакатов набиралось много, их отдавали в ближайшие школы, которые красили и наряжали к 1 сентября. В одной из них меня пригласили учителем рисования, но я не взяла диплом, а скан не годился. Возможно, тогда кружок, сказали мне, после уроков, с 1 октября.

Иногда я стреляла на кладбище, брала чью-нибудь винтовку и уходила, представляя, что меня окружают фашисты и я отстреливаюсь. Прячась среди могил, я читала фамилии, имена, должно быть, фашистские, но вполне вероятно, что наши. Там на кладбище меня и поймали, случайно.

Нет, правда, они словно выросли из-под земли или вышли из тех могил. Сначала я даже подумала, что это наши, и когда рассмотрела нашивки, было уже поздно. Меня долго вели по лесу, по незнакомым местам, пока не дошли до базы. Говорили они на чужом языке, но слова были нашими, и я всё понимала – и то, что они поймали фашиста, и то, что не знают, что с ним делать. В итоге, после того как я посидела под замком, меня пристроили на картошку, здесь её собирают в августе. База располагалась в бывшем пионерском лагере, а за лесом были поля. Картошка, ни крупная, ни мелкая, как обычно; если бы меня заставили готовить снаряды или чистить оружие, я бы отказалась, но картошка предательством не была.

Вместе со мной работали другие женщины, кто-то был в плену полгода, кто-то год, к фашистам они относились как я, но чувства их притупились, они стирали фашистам и убирали, несколько вышло замуж, никто не знал, насколько затянется плен.

С картошкой мы закончили до дождей, а когда всерьёз задождило, бои прекратились совсем, и стали поговаривать о зиме. Зимой всё вставало окончательно, и нужно было искать себе работу. Её искали все заранее, но у всех, как у меня, не было документов. Каждый устраивался как мог, куда брали, как правило, в подсобные хозяйства или техничками. Домой никто не ехал, а в соцсетях выкладывались фотографии в форме и с одолженным оружием.

«Ну что же вы так и не появились», – сказала мне директор школы, встретив в деревне, на кружок рисования никого не взяли, место было за мной, дети ждали, сорок учеников из разных классов.